
СИБИРЬ И МОНГОЛИЯ В ТРАНСГРАНИЧНЫХ СВЯЗЯХ

DOI 10.17150/978-5-7253-3001-4.47

Э.В. БАТУНАЕВ

УДК 94(517)

ББК 63.3

«ЛАМСКИЙ ВОПРОС» В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ МНРП (1932–1938)*

В статье рассматривается один из сложных периодов в истории Монголии, связанных с драматическими событиями внутривнутриполитической борьбы, политических репрессий, обеспечения национального суверенитета. Буддийская церковь представляла собой организованную и влиятельную силу, с которой пришлось столкнуться МНРП в проведении социально-экономических преобразований на пути к некапиталистическому пути развития. Автор пришёл к выводу, что в решении «ламского вопроса» переплетались многие аспекты как внутривнутриполитического, так и внешнеполитического характера.

Ключевые слова: Монголия, «ламский вопрос», буддийская церковь, Коминтерн, МНРП, социально-экономическая политика, политические репрессии.

E. V. BATUNAEV

“LAMIN QUESTION” IN THE SOCIO-ECONOMIC POLICY OF THE MPRP (1932–1938)

The article discusses one of the most difficult periods in the history of Mongolia related to the dramatic events of the internal political struggle, political repression, ensuring national sovereignty. The Buddhist Church was an influential force that the MPRP had to face in carrying out socio-economic transformations on the way to the non-capitalist development path. The author came to the conclusion that the solution of the “Lamin question” intertwined many aspects of both domestic and foreign policy nature.

Keywords: Mongolia, Lamin question, Buddhist church, Comintern, MPRP, socio-economic policy, political repression.

В дореволюционной Монголии буддийская церковь заняла ведущее положение не только в хозяйственной, но и в политической жизни, превратилась в один самых авторитетных и могущественных институтов вла-

* Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований СО РАН XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии, № АААА-А17-117021310264-4.

сти. Буддийская церковь являлась собственником огромного количества скота и пастбищ, а также крепостных аратов — шабинаров. Для руководства монастырским хозяйством (джассой) специально было создано Шабинское ведомство (Их шавь) во главе с назначаемым на эту должность шанцзобой [13, с. 55–58]. Буддийские монастыри в Монголии были духовными, образовательными, культурными, медицинскими и экономическими центрами [12, с. 267]. До революции в стране насчитывалось более 750 монастырей [8, с. 246]. Общее число буддийских священнослужителей в Монголии было значительным. По данным переписи 1918 г., монахов было 105 577 человек (44,5 %) мужского населения страны [8, с. 42]. Каждая монгольская семья старалась отдать хотя бы одного ребенка из числа мальчиков в буддийский монастырь, поскольку ламы пользовались всеобщим уважением и авторитетом. Для монгольского общества того времени огромную роль играла ламская медицина и образование. монополия на которые принадлежала церкви. Главой буддийской церкви был Богдо-гэгэн Джебцзун-Дамба-хутухта (монг: Жавзандамба хутагт), линии перерожденцев которых с начала XVII в. являлись религиозными лидерами Монголии. В результате национально-освободительной борьбы верховный иерарх монгольской церкви Богдо-гэгэн VIII стал главой независимого Монгольского теократического государства (1921–1924). Авторитет Богдо-гэгэна VIII в монгольском обществе был настолько высок, что МНРП и народное правительство сразу после революции 1921 г. не смогла лишить его всех прав, лишь ограничив его власть после подписания «Клятвенного договора». После революции 1921 г Монголия взяла курс на переход от феодализма к социализму, минуя капитализм, прочно войдя в орбиту советского влияния. В этой связи идеологическим конкурентом новой власти во внутривластном процессе стала буддийская церковь. В 1924 г. после смерти Богдо-гэгэна ламский вопрос в Монголии «встал во всю ширь и глубину» [7, с. 138]. Следуя указаниям большевиков и Коминтерна монгольские власти взяли курс на социалистические преобразования, борьбу с буддийской церковью, подрыва ее экономического, политического и идеологического влияния. На уменьшение численности монастырей и сплочённости духовенства были направлены закрытие монастырей, вывод монахов в мирское состояние, запрет на поиски новых хубилганов, активизация политики раскола «ламства» по имущественному принципу. Проводилась конфискация имущества у феодалов, бывших чиновников и высших лам, создавались колхозы и госхозы по советскому образцу [6, с. 363]. Но ее влияние было настолько сильным, что открытая борьба с ней была опасна. Поэтому курс партии состоял в постепенном ограничении власти теократов (прежде всего шабинского ведомства) законодательными и экономическими мерами, в поддержке «обновленцев», пропаганде, консолидации рядов партии и ревсомола на основе «левых» и антирелигиозных взглядов. [6, с. 271]. Советские

дипломаты считали, что реализация программы расслоения ламства требовала «особого такта и осторожности» и предлагала монгольским властям делать это под прикрытием «прогрессистского» (обновленческого) движения в ламстве. Было решено создать комиссию по ламскому вопросу при ЦК МНРП и отделения ее на местах. По аналогии с СССР в Монголии были созданы союзы воинствующих безбожников, сыгравших значительную роль в формировании атеистической пропаганды и дискредитации духовенства. Антирелигиозники заявляли, что высшее духовенство часто нарушала буддийские заповеди Винаи, в результате чего в их среде появлялись разлагающие явления — пьянство, разврат, азартные игры. Недовольство духовенства к политике МНРП вызывало поведение партийцев- агитаторов, занимавшихся распространением ложных слов, оскорбление чувств верующих. Одним из которых стало так называемое «Гурбун-Сайхановское дело».

Согласно принятому в 1926 г. «Закону об отделении церкви от государства», упразднялись привилегии высших чинов буддийского духовенства (хубилганов и хамбо), а также церковь лишалась права вмешиваться в государственные и гражданские дела. По Конституции ламы, проживающие в монастырях, хутухты, а также «нетрудовые элементы» и бывшие князья были лишены избирательных прав. МНРП проводила линию на ослабление экономических позиций феодалов, вела ускоренную подготовку к конфискации имущества у духовенства и старой знати. В связи с этим была организована центральная комиссия по конфискации, которую возглавил Х. Чойбалсан, а во всех аймаках — местные комиссии. Все движимое и недвижимое имущество феодалов, теократов и крупных чиновников оценивалось в условных единицах — хувь. (1 хувь = 30 тугриков). Им оставляли скота и имущества не более чем на 100 хувь остальное — конфисковывалось [4, с. 90]. Началась так называемая джасская кампания (передача монастырского скота на выпас аратам). Аратов вовлекали в колхозы, процент коллективизации увеличивался, а вместе с тем ухудшалось экономическое положение страны, поголовье скота сокращалось. С целью подорвать экономические основы буддийской церкви был введено прогрессивное налогообложение, а по закону «о военном налоге» с 1935 г. все ламы от 18 до 45 лет должны были облагаться военным налогом, кроме низших лам [3, с. 90]. Кроме форсированного раскола ламства МНРП также приняла в 1928 г. еще одно важное решение по борьбе с ламством «О ликвидации института перерождений Богдо-гэгэна и других хутухт. Это важнейшее решение по оценке советских дипломатов подрывало экономические устои буддийской церкви.

Агрессивная антирелигиозная кампания периода «левого уклона», включавшая в себя, в том числе конфискацию монастырского имущества и закрытие буддийских храмов, а также попытка коллективизации села, спровоцировали массовые вооруженные выступления [9, с. 80]. Ошибки

и перегибы проводимого «левого курса», в частности, антирелигиозная компания, насильственная коллективизация, повышение налогов монастырских хозяйств, вызвали широкую волну недовольства среди населения, результатом которого стало масштабное Хубсугульское восстание в Монголии 1932 г. Повстанцы выступали с лозунгами свержения существующей власти, за устранение партии, ревсомола, против ущемления чувств верующих и религии. Восстание не было стихийным, оно имело своих организаторов, которые опирались на широкое недовольство масс. В боях против отрядов повстанцев были задействованы армейские части и подразделения ГВО, использовалась и советская помощь. Правительственные потери превысили 400 человек убитыми и замученными. Страна понесла огромный материальный ущерб. Основные силы восставших к июлю были рассеяны, но полная ликвидация повстанческого движения завершилась лишь в октябре 1932 г. [10, с. 65; 5].

Исходя из геополитических задач, одним из главных вопросов, стоящих перед руководством СССР, стало укрепление обороноспособности Монголии. В 1932 г. была создана постоянная Монгольская комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с К. Е. Ворошиловым. С этого времени участились встречи руководителей СССР и МНР на высшем уровне. В 1935–1936 гг. «ламский вопрос» стал камнем преткновения в отношениях с Советским Союзом И.В. Сталин и В.М. Молотов пытались убедить П. Гэндэна начать форсированную борьбу с буддийской конфессией [10, с. 287–288]. Необходимо отметить, что, начиная с первой встречи с монгольским руководством, Сталин придерживался непримиримой позиции в отношении лам и настойчиво советовал бороться с ними. В частности, он неоднократно заявлял: «Это государство в государстве. Чингисхан никогда не согласился бы на это. Он наверняка жестоко расправился бы с ними» [1, с. 142–143].

В большинстве случаев советское руководство в ламском сословии видело, во-первых, неблагонадежный элемент, потенциальных контрреволюционеров, сотрудничающих с иностранными государствами с целью свержения существующего строя, во-вторых, реальную оппозицию проводимых социальных преобразований на пути строительства социализма. В связи с этим были введены новые статьи Уголовного кодекса, относящиеся к ламам [15, с. 496]. Монгольские руководители П. Гэндэн, А. Амар в особенности правого крыла МНРП были против крайних мер в отношении ламства, выступали за умеренность. Политические репрессии конца 30-х гг. XX в., затронувшие практически все слои населения Монголии, включая высшее партийно-государственное руководство, буддийское духовенство, интеллигенцию и зажиточных аратов, оставили трагический след в истории страны. В Монголии они получили название — «Их Хэлмэгдүүлэлт» (Великие репрессии). В этой связи политические репрессии 1930-х гг. против церкви были крайней мерой и во

многим стали показателем слабости государства, неспособного снизить ее роль в обществе иными, более мягкими методами.

В период с 1937 по 1938 г. были инициированы дела против крупных фигур духовенства. В связи с обострением ситуации на Дальнем Востоке и с угрозой японской агрессии особое внимание СССР стал уделять монгольскому направлению. Советские руководители опасались связей между буддийскими ламами Внешней и Внутренней Монголии, находившимися под контролем Японии и Китая. Необходимо отметить, что значительное влияние оказывала деятельность известного буддийского иерарха Панчен-ламы, находившегося в это время в Пекине и Внутренней Монголии. Каждый буддийский монах расценивался органами ГВО как потенциальный враг, занимавшийся диверсионной и контрреволюционной деятельностью. Среди монгольского духовенства появились лидеры. Одними из главных руководителей «контрреволюционного центра» были Ёнзон-хамбо Лувсанхаймчиг, тибетец, учитель Богдо-гэгэна VIII, Егозэр-хутухта — настоятель монастыря на юго-востоке Монголии. Дело «Центральной контрреволюционной группы» стало первым крупным показательным процессом МНР объединившим все другие «дела» по дискредитации высшего духовенства. Показательный процесс широко освещался в газете «Унэн» и транслировался по радио [15, с. 326–327; 2]. По мнению известного американского антрополога К. Каплонского политические репрессии стали своего рода кульминацией долгой борьбы правительства Монголии и ламства, продолжавшаяся полтора десятка лет [14]. Главными обвинениями стали сотрудничество высших лам с иностранными государствами с целью свержения власти МНРП и контрреволюционная деятельность. В результате массовых репрессий к 1940 г. в МНР были разрушены или закрыты все монастыри и иные культовые места, а духовенство как социальная группа перестало существовать: часть была расстреляна, большая же часть переведена в светский статус. Уничтожение буддийского духовенства в Монголии были крайней мерой и кардинальным путем политики МНРП и Коминтерна без учета национальных, экономических и политических особенностей.

Список использованной литературы и источников

1. Батсайхан О. Встречи Сталина с монгольскими руководителями в 1932–1937 гг. / О. Батсайхан // Восток. — 2011. — № 3. — С. 142–143.
2. Баабар Б. История Монголии. От мирового господства до советского сателлита / Б. Баабар. — Казань : Татар. кн. изд-во, 2010. — 544 с.
3. Дугаров В. Д. Некоторые формы репрессивной экономической политики МНРП по отношению к ламству в 1932–1938 гг. (по материалам архива ФСБ РФ по РБ) / В. Д. Дугаров // Буддизм в общественно-политических процессах Бурятии и стран Центральной Азии : сб. ст. — Улан-Удэ : Бурят. гос. ун-т, 2012. — С. 88–91.
4. История Монголии. XX век. — М. : ИВ РАН, 2007. — 447 с.
5. Кузьмин С. Л. Вооруженное восстание в Монголии в 1932 г. / С. Л. Кузьмин, Ж. Оюунчимэг. — М. : ООО «Издательство МБА», 2015. — 212 с.

6. Кузьмин С. Л. Теократическая государственность и буддийская церковь в Монголии в начале XX в. / С. Л. Кузьмин. — М. : Товарищество научных изданий КМК, 2016. — 496 с.

7. Курас Л. В. Ламы в Монголии после смерти Богдо-гэгэна / Л. В. Курас, И. С. Цыремпилова // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. — Улан-Удэ, 2000. — Т. 4. — С. 138–148.

8. Майский И. М. Монголия накануне революции / И. М. Майский. — М. : Изд-во вост. лит., 1959. — 310 с.

9. Родионов В. А. Буддизм в политическом процессе постсоциалистической Монголии / В. А. Родионов // Вестник Бурятского государственного университета. — 2015. — № 6-1. — С. 78–83.

10. Рошин С. К. П. Гэндэн, монгольский национальный лидер. Штрихи биографии / С. К. Рошин. — М. : Ин-т востоковедения РАН, 2008. — 160 с.

11. Рошин С. К. Политическая история Монголии / С. К. Рошин. — М. : Ин-т востоковедения РАН, 1999. — 199 с.

12. Сеницын Ф. Л. «Красная буря». Советское государство и буддизма 1917–1946 гг. / Ф. Л. Сеницын. — СПб. : изд-е А. А. Терентьева, 2013. — 528 с.

13. Скрынникова Т. Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголии XVI — начала XX в. / Т. Д. Скрынникова. — Новосибирск : Наука, 1988. — 103 с.

14. Kaplonski C. The Lama Question. Violence, Sovereignty, and Exception in Early Socialist Mongolia / C. Kaplonski. — Honolulu : University of Hawaii Press, 2014. — 280 p.

15. Narangoa L. Japanese imperialism and Mongolian Buddhism / L. Narangoa // Critical Asian Studies. — 2003. — Vol. 35, № 4. — P. 495–498.

Информация об авторе

Батунаев Эдуард Владимирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; e-mail: Batunaevduard@mail.ru

Author

Eduard V. Batunaev — PhD in History, Research Worker, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of science, Siberian Branch, 6 Sakhyanova St., 670047, Ulan-Ude, Russia; e-mail: Batunaevduard@mail.ru